

— Скажите, пожалуйста, Вениамин Александрович, какие события общественной жизни последнего времени произвели на вас самое большое впечатление?

— Это прежде всего XIX партийная конференция. Хотя прошло уже достаточно времени, но мысли, которые были там высказаны, не покидают меня. Почему я с таким неотрывным вниманием следил за ее ходом? Потому, что понимал, что все, что там происходило, носит, я бы сказал, исторический характер. Все мы ждали программных, глобальных решений, и ожидания эти вполне оправдались. Многие до конференции было неясно, как-то разбросано, не вполне определенно. Конференция как бы расставила все по своим местам, наметила определенную, отчетливую программу. Особенно внимательно я изучал резолюции, принятые на конференции. В них очень разумно, ясно, толково определен весь смысл того, что происходило в те дни и что будет служить на долгие годы нравственными законами для каждого. Мне как писателю близки и понятны эти законы, потому что я следовал им всегда — как в своей жизни, так и в творчестве, что для меня неразрывно.

— Оправдываются ли, с вашей точки зрения, эти нравственные законы сегодня, по прошествии почти года со времени окончания XIX партконференции?

— О, не во всем, а точнее во многом не оправдывают себя. Откуда взялось столько злых людей? Я объясняю это тем, что не все еще поверили в возможность жить по-новому, обо всем говорить откровенно. Некоторым, очевидно, кажется, что ветры прошлого могут задуть слабые ростки, как бы проросшие сквозь казавшийся непроницаемым асфальт лжи, клеветы, доносов. Мне хочется взять эти ростки в свои ладони и согреть. А иногда я вижу, что людям так хочется говорить, говорить... Так мы намолчались и набоялись! Людям хочется быть вместе, я это заметил.

— Да, но общность рождает доброту. А вы сами сказали, что очень много вдруг открылось раздражения, неверия, непонимания. И живой пример тому — литература. Что, на ваш взгляд, происходит в различных литературных жанрах?

— Борьба. Столкновение мнений, позиций. Причем эта борьба носит, я бы сказал, характер скорее политических, чем профессиональных. Происходят явления, которые характерны именно своей, я подчеркиваю, непрофессиональной стороной.

— Что вы имеете в виду?

— Например, борьбу поэзии с прозой — за право быть первой в шеренге борцов за перестройку. Ведь на протяжении разных исторических периодов поэзия часто вырывалась на первый план, яркие поэтические строки служили высоким целям. Ныне же у меня сложилось такое впечатление, что современные поэты как бы плывут по течению. Одна и та же поэтическая фраза кочует по страницам поэтических сборников, журналов, газет.

— Проза, очевидно, в лучшем положении?

— Да, прозаики постепенно начинают приходить к необходимости осмысливать не только то, что происходит перед нашими глазами сейчас, но и то (и это самое трудное), чего недавно как бы не существовало в нашей жизни и что совершенно не было отражено в литературе.

Застойные годы, о которых сейчас столько очень яростно и откровенно говорится и пишется в различных публицистических статьях и речах, в литературе совершенно не отражены. словно наступило мгновенное прозрение, и литераторы лишь сейчас это увидели, а осмыслить эти явления, проанализировать их, а не ограничиваться лишь всплесками запоздалых эмоций, было бы, на мой взгляд, крайне поучительным и необходимым. Но надеюсь, что это сделают молодые. У них острее взгляд, и над ними не довлеет груз прошлых лет.

— А как вы считаете, должен ли перестраиваться писатель? И в чем конкретно это должно, на ваш взгляд, выражаться?

— Я такого мнения не разделяю. Писатель всю свою жизнь должен придерживаться од-

Кажется, еще совсем недавно мы сидели с ним на открытой веранде его дачи на переделкинской улице Горького, и он давал мне интервью, которое я записала на диктофон. Потом виделись еще несколько раз, и Вениамин Александрович просил еще что-то добавить или убрать. Я все в точности выполняла, но когда в один из дней Первомайского праздника пришла, чтобы завизировать окончательный вариант, мне сказали, что ночью ему стало плохо с сердцем, и его увезли в больницу.

И вот печальная весть... Но так как писатель очень хотел увидеть на страницах газеты «Советская культура», активным автором которой он был, это интервью, я решила предложить его к публикации.

Последнее интервью

Сов. Культура. — 1989. — май. — с. 8

с Вениамином Кавериным

ной и той же неизменно нравственной, человеческой позиции. А не вести себя словно флюгер в зависимости от направления ветра. Речь идет только о тематической перестройке его творчества, а вовсе не творческой манеры, которая вырабатывается годами. Здесь ничто не должно и не может меняться.

В чем я вижу главную задачу современного литератора в период перестройки? Показать отрицательные явления так, чтобы это было поступком, ведущим к положительным явлениям. Ибо чем сильнее вы показываете подлость, непорядочность, доноительство, тем сильнее читатель ощутит отвращение к такому образу жизни и тем сильнее он почувствует не только неприязнь ко всем этим мерзостям, но и непреодолимую тягу к добру и порядочности.

— Ваша бескомпромиссная жизненная позиция, честность, невозможность отступления от нравственных принципов хорошо известны всем нам. И вызывают уважение. Считаете ли вы, что для гражданского протеста было достаточно лишь фигуры умолчания? Ведь и тогда, в те страшные времена, писались смелые, правдивые книги, которые только сейчас, спустя десятилетия, дошли до читателей. Примеры тому общеизвестны. Есть ли у вас такие книги? Может быть, это — ваша книга «Над потаенной строкой»?

— Да, эту рукопись я смог предложить в печать только сейчас. Прежде это было невозможно. В основе этого романа — образ честного, благородного человека — писателя Бориса Лапина, погибшего на фронте.

— Но ведь эта книга, если я не ошибаюсь, написана недавно. А есть ли у вас, как сейчас принято говорить, «положные» произведения, то есть рукописи, которые пролежали в столе или на полке долгие годы?

— У меня есть только одна такая книга. Она называется «Эпилог» и представляет собой сцены и портреты, относящиеся к тем временам, когда литературу «зажимали», а по существу — скопчили, начиная с 1921 года.

— Это документальная вещь, как все ваши книги последнего времени?

— Да, ничего выдуманного в ней нет, все подлинное. Рассказывается о тяжелых испытаниях, выпавших на долю писателей в те жестокие времена, о репрессиях, гибели таких замечательных писателей, как, например, Бабель. Раньше я не мог этого даже никому показать, а теперь вещь печатается. Поэтому я счастлив, что появилась такая возможность. Так что перестройка, гласность имеют для меня огромное значение своей возможностью смело высказать свои мысли и быть услышанным.

— Как вы относитесь к современной критике?

— К хорошей, принципиальной — хорошо, к лицепристойной и «групповой» — плохо. Многих критиков искренне уважаю — например, Бочарова, Аннинского.

— А вам везло с критиками?

— Нет, мне не везло с критиками! Меня постоянно ругали за все на свете и за то, что я «формалист» и якобы не высказываю в своих книгах ценных марксистских идеалов, и даже ставили в вину... сюжетность, занимательность моих романов. Я решительно не могу согласиться с невысокой оценкой такого, с моей точки зрения, необходимого для литератора качества, как занимательность повествования. Считаю это не минусом, а плюсом. Я люблю сюжет, смену событий, этим высвечивается не только жизнь моих персонажей, но и судьба поколения. Да и разве я в этом одинок? От книг Толстого, Тургенева невозможно оторваться.

А вообще в самые трудные времена, когда меня особенно ругали, я вспоминал адресованные мне в письме слова А. М. Горького: «Ругают вас или хвалят — это должно быть совершенно безразлично для вас. Поверьте: я говорю так не потому, что меня тридцать лет ругают и хвалят и что это стало привычно мне и уже не трогает, нет, — я всегда относился равнодушно к хуле и похвале. Ни то, ни другое ничему не учат, вот что я знаю и в чем убежден. У вас есть главное, что необходимо писателю: талант и оригинальное воображение, этого совершенно достаточно для того, чтобы

чувствовать себя независимым от учителей, хулителей и чтоб свободно отдавать все силы духа нашему творчеству. Наперекор всем и всему оставайтесь таким, каков вы есть, и — будьте уверены! — станут хвалить, если вы этого хотите. Станут!»

— А в книге «Письменный стол» вы пишете: «Я почти никогда не читаю критических статей о себе: существенно помогавших мне в работе, так мало!» Это правило существует для вас и ныне?

— Да, — улыбнулся писатель. — Просто времени не хватает. Но вообще должен сказать, что такой критики, как сейчас, у нас не было давно, с XIX века. Я иногда поражаюсь, как тонко они разгадывают «засекреченные» замыслы писателей. Такого типа критики очень хороши и очень нужны, потому что они связывают нашу литературу с историей.

..Уже часа два длилась наша беседа. Неожиданно разговор коснулся интеллигентности как общественного явления, столь необходимого современному человеку.

— Интеллигентность? — оживился писатель. — Что ж, на эту тему очень хотелось бы поговорить! Для меня интеллигентность — это прежде всего невозможность предательства, невозможность ни при каких обстоятельствах обмануть доверие человека, который тебе верит. Это — умение поставить себя на место другого человека. Но это редко кому удается. Люди привыкли жить лишь своими интересами и не думать о тех, кто рядом. И самое страшное — не думать о судьбе человека, который от него зависит, быть способным унижать кого-либо, попирая его человеческое достоинство. Такие люди приносят грандиозное зло обществу, из-за этого, из-за крайней степени интеллигентности людей, обладающих какой-то властью, и происходили чудовищные ошибки прошлого, которые не искоренены и теперь. Поэтому воспитанию, в особенности в молодых людях, черт интеллигентности — одна из главных задач литературы и искусства. Я очень радуюсь интеллекту Горбачева, вижу, как высоко он ценит интеллектуальное мышление, без чего мы никуда не

двинемся. И чем больше представителей рабочего класса будет выходить в подлинные интеллигенты, тем лучше. Поэтому я с большой радостью слушал интеллигентные речи рабочих на партийной конференции и на последнем Пленуме ЦК. И дело вовсе не в «красоте слога», не в том, что человек овладел качеством изысканной словесности, а в интеллигентном настрое, способности мыслить по-новому.

— Некоторые люди склонны отождествлять два понятия — интеллигентность и образованность...

— Нет, это совершенно разные понятия. Интеллигентность от образования совершенно не зависит. Есть даже такой термин «образованцы». (По-моему, его ввел в обиход Солженицын). Можно быть очень образованным специалистом, прекрасным техником, квалифицированным в своей области инженером, и не быть при этом интеллигентом. И наоборот. Можно быть человеком сугубо рабочей профессии, но обладать высокими качествами интеллигента. Вот у меня был хороший друг (к большому моему огорчению, он недавно скончался), маляр по профессии, его звали Иван Александрович, тоже участник войны. Мы с ним много говорили, в чем-то спорили, с чем-то соглашались, с чем-то нет! Он пережил огромную трагедию: его полк стоял около его родной деревни, которая была занята немцами. И два мальчика, его сыновья, бежали к нему в полк, чтобы повидаваться с отцом. Это были, как он говорил, минуты огромной радости и озарения. И вот однажды, в недобрый час, когда дети, радуясь предстоящей встрече, бежали к нему через поле, и оставались какие-то метры, разделявшие их, с фашистской стороны раздалась автоматная очередь, и оба маленьких сына были расстреляны на его глазах... Человек, переживший такую страшную трагедию, не может быть дурным, способным на предательство, на обман. Из этих разговоров о детях (а я очень люблю детей), о прошедшей войне и родилась наша дружба. Мы много и часто разговаривали с Иваном Александровичем, я ему очень доверял, считал и считал его подлинным интеллигентом. Дух честности, порядочности, ответственности был у него; быть может, посильнее, чем у иного профессора или академика. Он очень много читал, я дарил ему все свои книги и был рад сознавать, что мои мысли попадут на благодарную почву.

— Почему упал интерес к чтению у молодого поколения? Об этом явлении пишут многие публицисты, социологи. Что же случилось?

— За это время, в особенности в период застоя, было многое упущено. У меня впечатление о современной молодежи очень двойственное. Немало молодых людей, которые очень прислушиваются к заветам, издавна пропагандируемым художественной литературой. Но есть и такие, что прислушиваются лишь к модной музыке и плюют на интеллектуальные законы. Поколение 15-летних интересуется больше развлечениями, чем размышлениями. У многих из них отсутствует глубокий интерес к культуре. И это очень грустно. Эти явления еще долго будут изживать, но я верю, что они будут изжиты. И свидетельством тому — огромный слой общества, который интересуется именно размышлениями. Люди запустили квартиры, какие-то хозяйственные дела и гоняются за «Новым миром», «Огоньком», «Московскими новостями», новинками художественной литературы.

— Но не является ли весь этот «бум» лишь стремлением некоторых людей вкусить «запретный плод» и приобрести к разного рода разоблачительным сенсациям?

— Не думаю. Смотрю на современную литературу оптимистично, ибо в лучших ее произведениях побеждают нравственные начала. Для меня наше время — пора ожиданий и надежд.

Вела беседу
Валентина ЖЕГИС.

● Вениамин Каверин.

Фото Н. Самойлова.